

УДК 616.24-002.5:316.621

Гурина Е.С.

АУТИСТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Новосибирский Государственный Педагогический Университет, Новосибирск, Россия

В настоящий момент феномен аутизма и различных его проявлений занимает наиболее дискуссионное и противоречивое место в психологических, психиатрических и медицинских направлениях. Начиная с 1911 года, когда Э.Блейлер впервые употребляет термин «аутизм» для описания симптома шизофрении у взрослых пациентов, и до сегодняшних дней не существует единого представления о сущности данного психического феномена, его характеристиках и этиологии. Несмотря на отсутствие однозначных выводов об аутизме, более чем столетняя история его изучения позволяет нам все ближе и ближе подходить к его «ядру», расширяя представления о клинических проявлениях аутизма, его феноменологии, возможностях диагностики и терапии. На сегодняшний день существует различные описания аутистических синдромов у детей. Так В.Е. Каган выделяет пять форм аутистических синдромов: аутизм при шизофрении, аутизм при шизоидной психопатии, детский аутизм, органический аутизм, парааутистические состояния. Научно-исследовательский центр психического здоровья в 1989 году предложил следующую клиническую классификацию раннего детского аутизма: синдром раннего инфантильного аутизма Каннера (классический вариант РДА), аутистическая психопатия Аспергера, эндогенный, постприступный (вследствие приступов шизофрении) аутизм, резидуально-органический вариант аутизма, аутизм при хромосомных aberrациях, аутизм при синдроме Ретта, аутизм неясного генеза. Многочисленные исследования этой области позволяют говорить о различных факторах возникновения аутизма, среди которых многие авторы выделяют генетический. Однако создание приблизительно цельной теории аутизма является крайне трудно задачей, что связано с многообразием аутистических проявлений,

широким спектром речевых и когнитивных нарушений, дискуссионностью этиологии аутизма [7]. В настоящее время представлено большое количество исследовательских работ, посвященных различным проявлениям аутизма, однако наблюдается явный пробел в рассмотрении данного феномена через призму психоаналитических взглядов.

Психоаналитическая практика богата клиническими примерами работ с аутистическими проявлениями у детей, но часто результаты психоаналитической работы остаются неосвещенными. Во многом это связано со сложностью понятийного аппарата, который, как правило, для специалистов без психоаналитического образования является недоступным. Так, например, для изучения клинических случаев М. Кляйн, один из которых будет представлен в данной статье, необходимо предварительное знакомство с ее теорией. Без понимания целостной картины теории М.Кляйн и ее основных понятий приступить к знакомству с ее практикой не представляется возможным. Безусловно, иллюстрация клинических зарисовок будет выглядеть вульгарно, если оторвать ее от того дискурса, в рамках которого она представлена. Именно поэтому данная статья адресована специалистам, уже имеющим некоторое представление о развитии психоаналитических взглядов на развитие ребенка.

Необходимо отметить, что изучение аутизма с самого начала сопровождалось идеологическим расколом. В 1943 году Л. Каннер впервые описывает синдром раннего детского аутизма, в основе причин которого он выделяет врожденное психическое расстройство и определенный набор родительских черт, среди которых педантизм, отстраненность, интеллектуальная «враждебность», ригидность. По сути, Л. Каннер заявил, что аутистические проявления явля-

ются своеобразной формой защиты ребенка от «холодной матери». Такое предположение вызвало большое количество критики, и в дальнейшем сам Л. Каннер отказался от него, однако, отголоски теории «холодной матери» существуют и в настоящий момент [7].

В данной статье представлена попытка прикоснуться к данному феномену с психоаналитической позиции. Именно психоаналитической позицией обусловлено то, что в дальнейшем по отношению к детям, демонстрирующим спектр аутистических черт, будет использоваться не термин «аутист», представляющий собой диагноз, клише, а такое обозначение как «аутистический субъект». Под аутистическим субъектом мы будем понимать субъекта с особым способом организации психического аппарата, заключающегося в отказе от вхождения в порядок Другого.

Наиболее фундаментально концепт «Другого» прослеживается в идеях Ж. Лакана, подчеркивающего возможность становления субъектности только при взаимодействии со структурой Другого. Опираясь на фундаментальные труды З. Фрейда о символе как о специфической форме выражения бессознательного, Ж. Лакан считает, что символы формируют человеческую реальность, выстраивают ее в соответствии с нормами культуры и общества, и главенствующую роль в этом процессе принадлежит речевому (символическому) взаимодействию с Другим [1]. Другой, являясь носителем речи как способа выражения бессознательного, провоцирует субъект на принятие этой речи, этого языка. Аутистический субъект демонстрирует отказ от вхождения в речевую коммуникацию, он отвергает язык, предлагаемый Другим, что ведет к невозможности самоидентификации. Общеизвестно, что нарушения речи различной степени являются одной из наиболее типичных аутистических черт и обнажают специфику аутистического субъекта – нарушения коммуникации и социального взаимодействия. Аутистический субъект не использует речь как средство для общения, но у него может наблюдаться «автономная речь» («речь для себя»). Различными авторами были описаны некоторые специфические особенности речи аутистических субъектов: наличие эхололий, своеобразная интонация, отказ от использования местоимений пер-

вого лица, вычурное произношение слогов, отсутствие реакции на речь окружающих [7]. По некоторым данным, приблизительно половина аутистических субъектов так и не овладевают осмысленной речью, однако самая распространенная проблема – именно неспособность пользоваться речью в целях социальной коммуникации [8]. Аутистический субъект не может принимать то, что отсылает его к присутствию Другого: речь, взгляд, голос, прикосновения – все это становится некой границей, которую аутистический субъект не переходит или к которой он прикасается лишь в определенной степени. Услышать Другого, увидеть его, почувствовать его – это уже признать его существование. Отказ от вхождения в порядок Другого разворачивается неспособностью выделять самого себя: аутистический субъект словно растворен во внешнем мире. Невозможность идентификации себя с Другим влечет невозможность самоидентификации, приобретения представлений о себе и продуцирования желаний.

В работах Ф. Дольто проблема аутистических субъектов представлена достаточно объемно. Она отрицала аутизм как врожденное заболевание и понимала его как реакцию на некое травматическое событие, которое повлекло за собой невозможность отождествления самого себя с собой, расстройство самоидентификации [4;5]. Наиболее распространенной причиной, по мнению Ф. Дольто, является потеря аффективного или символического контакта с матерью: реальное отсутствие матери либо переживаемая ею скорбь, которая не позволяет ребенку находить себя в контакте с ней. Ф. Дольто указывает на то, что в ситуации физической утраты матери или в ситуации, когда мать есть, но она слишком погружена в свои собственные переживания, забывая о ребенке, ребенок не может развиваться по обычному пути: для переживания себя, ребенку нужен Другой – тот, рядом с которым ребенок обретает образ тела. В концепции Ф. Дольто образ тела – «бессознательная память всего опыта отношений субъекта и связанных с ними переживаний, это живой и постоянно развивающийся синтез эмоционального опыта, созданный в отношениях ребенка с матерью» [3, с.102]. Образ тела не является зрительным представлением о своем теле, не является «схемой тела», он

скорее представляет собой «символическое воплощение субъекта еще до того, как он начнет осознавать себя», и он «включает в себя всю историю ранних телесных и вербальных взаимодействий матери и ребенка» [3, с.102]. Через образ тела ребенок может поддерживать отношения с реальностью. В ситуации, когда образ тела рушится, происходит регрессия к состоянию, когда жизненные потребности ребенка удовлетворялись без субтильных, речевых, мимических, двигательных обменов. Дольто отмечает, что драматические последствия разрыва коммуникации между матерью и ребенком продолжают действовать, даже когда мать возвращается к ребенку. Это связано с тем, что когда ребенок вновь обретает мать, она уже не та не архаическая мать, которую он потерял. Во взаимодействии с ней ребенок уже не находит того восприятия, которое было раньше и которое он искал, и это не позволяет ему обрести себя прежнего [4]. Ф. Дольто, рассматривающая речь как нечто, что структурирует психику субъекта, отмечала необходимость объяснять ребенку, оказавшимся в разрыве от матери, все то, что происходит с ним: «На радио у меня была возможность связаться с еще молодыми матерями детей в возрасте до трех лет, страдающих аутизмом. Я посоветовала им рассказать ребенку, почему они исчезли, когда детям было от четырех до девяти месяцев, и сказать, что они не знали, что он от этого так страдал. Десяток из этих детей, те, кому было меньше трех лет, смогли вновь восстановить контакт со своими матерями, как это было до того события, после которого они впали в аутизм» [5, с.592]. Ф. Дольто, как и Ж.Лакан, указывает на огромное значение символической функции в жизни человека, и именно некая поломка этой символической функции лежит в основе аутизации субъекта. Нужно отметить, что аутистические субъекты, по мнению Ф. Дольто, обладают чрезвычайно развитой потребностью в коммуникации и речи: «Для меня дети, страдающие аутизмом, это рано созревшие дети, с которыми не говорят о том, что для них важно» [5, с.593].

Ф. Дольто на страницах своих книг дает несколько различных иллюстраций аутистических субъектов. Так, например, она описывает Себастьяна, чрезвычайно развитого в детском возрасте, который в пять месяцев был отдан без объяснения корми-

це, которую он не знал, а затем сменивший несколько кормилиц [4]. По трагической случайности Себастьян был госпитализирован в больницу, хотя серьезных оснований для этого не было. В больнице мальчик сперва живо реагировал на появление матери, которую наблюдал через стекло, он кричал и искал ее взгляд, но затем постепенно стал демонстрировать равнодушие к ее появлению и начал действительно болеть. Усугубление его состояния с момента госпитализации классифицировали как необходимость более тщательного лечения, и в общей сложности Себастьян пробыл там около шести недель. За время его нахождения в больнице мать занималась ремонтом квартиры и обновлением вещей, что привело к тому, что даже оказавшись дома, Себастьян не мог найти ничего, что напоминало бы ему о себе прежнем. Он был лишен слов, позволяющих ему интегрировать этот опыт, и его символическая функция стала разрушаться. Мать, занимающаяся различными заботами по дому, мало говорила с ребенком, и он так и не смог восстановить связь между самим собой и миром. Ф. Дольто, описывая этот случай, в очередной раз подчеркивает необходимость артикуляции всего того, что вторгается в жизнь ребенка – ему нужна речь Другого, которая позволит ему выдержать это испытание.

В практике М. Кляйн мы также можем увидеть аутистического субъекта и убедиться в важности символаобразования. В одной из работ М. Кляйн повествует о четырехлетнем мальчике Дике, который по уровню развития соответствовал примерно полуторогодовалому ребенку [6]. Ему был поставлен диагноз *dementia praecox* (ранее слабоумие), что было достаточно распространенным в те времена, когда аутизм рассматривался как симптом шизофрении. М.Кляйн указывает на его крайне низкую адаптацию к реальности, равнодушие по отношению к близким людям, использование бессвязных звуков и шумов вместо речи, нечувствительность к боли, полное отсутствие эмоций с его стороны. Во время первой встречи с М. Кляйн-Дик не проявил ни малейшего волнения по поводу ухода его няни. Он принялся бегать по всей комнате без какой-либо цели, при этом не выражая заинтересованности ни в отношении вещей, ни в отношении к самой М. Кляйн. Его взгляд и выражение лица

при этом оставался застывшим. Исходя из данного фрагмента мы можем назвать Дика аутистическим субъектом. В анамнезе этого мальчика имеются достаточно травматические эпизоды: в младенчестве он пережил опыт голодания, связанный с тем, что мать тщетно пыталась кормить его грудью и отвергала искусственное вскармливание. К двухмесячному возрасту Дику была найдена кормилица, но к этому моменту у него уже наблюдались желудочные расстройства и геморрой, и он сам уже не проявлял желания сосать грудь. М. Кляйн указывает на то, что этот отказ проявлялся и далее в жизни ребенка: сперва по отношению к бутылочке, затем по отношению к твердой пище. Также М. Кляйн отмечает нехватку эмоционального тепла со стороны отца и няни и указывает на то, что на проявление заботливого отношения к себе (связанного с присутствием другой няни и бабушки) Дик реагировал достаточно явным прогрессом в своем развитии, однако основные проблемы оставались неизменными. В анамнезе этого мальчика также есть эпизод с мастурбацией, вызвавшей крайне острую и порицательную реакцию со стороны няни, что привело к формированию страха и чувства вины.

М. Кляйн, описывая содержание встреч с Диком, отмечает, что он не проявлял интереса к большинству предметов и даже не всегда понимал их предназначения. Единственными объектами, по отношению к которым он демонстрировал увлеченность, были поезда и станции, а также замки на дверях и ручки. М. Кляйн интерпретировала это как фантазии о проникновении пениса отца в тело матери: двери и замки представляли собой входы и выходы из материнского тела, а ручки - пенис отца. Проведенная с ребенком психоаналитическая работа позволила М. Кляйн утверждать, что причины его крайней заторможенности и оторванности от мира отсылают к травматичному опыту раннего детства и заключаются, в сущности, в неспособности Эго переносить тревогу. Эго вынуждено было прекратить фантазирование, чтобы защититься от импульсов, что и привело к остановке образования символов, и как следствию – невозможности устанавливать отношения с реальностью. М. Кляйн указывает на то, что генитальный импульс Дика сформировался достаточно рано и сопровождался усиленной идентификацией

с материнским частичным объектом, по отношению к которому Дик больше не мог проявлять агрессию. С одной стороны, Дик в своих фантазиях не мог отразить садистического отношения к материнскому телу, а с другой стороны – испытывал ужас перед пенисом отца, заточенным в материнском теле. Описывая данный случай, М. Кляйн достаточно подробно описывает сессии Дика, что позволяет читателям наблюдать, как в психоаналитической работе Эго вновь становится способным к образованию символов, и Дик из аутистического субъекта превращается в субъекта, поддерживающего отношения с реальностью.

А. Варданян также иллюстрирует клиническую зарисовку работы, а точнее единичной консультации с субъектом, имеющим некоторые аутистические проявления. Речь идет о мальчике, воспитываемым бабушкой по материнской линии [2]. В анамнезе этого субъекта имеется и разрыв с отцом, не предъявляющим до определенного времени интереса по отношению к сыну, и разлука с матерью, которая вынуждена была заниматься заработком. Данный субъект был лишен возможности идентифицироваться с отцом, поскольку в глазах бабушки отец был лишен положительных качеств, он был «кастрирован». Свою задачу как психоаналитика А. Варданян видела в необходимости дать мальчику право выбора идентификации, право любить отца без чувства вины и чувства страха отвержения со стороны бабушки и мамы. В данном случае речь шла лишь о некоторых внешних проявлениях аутизма без того катастрофического разрыва с реальностью, которые характерны для большинства аутистических субъектов.

В заключении необходимо отметить, что психоаналитические взгляды на аутистический субъект не являются универсальными, то есть не могут охватить и объяснить весь диапазон аутистических проявлений. Однако через призму этих взглядов становится более очевидным логика аутистического субъекта, заключающаяся в отказе от структуры Другого и нарушении процесса символизации. Тем самым, при работе с аутистическим субъектом на первый план выходит необходимость детального исследования опыта его жизни и связи с Другим, а также восстановление символической функции.

Гурина Е.С.
АУТИСТИЧЕСКИЙ СПЕКТР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Новосибирский Государственный Педагогический Университет, Новосибирск, Россия

В статье представлены психоаналитические взгляды на феномен аутистического субъекта в рамках дискурса Ж. Лакана, Ф. Дольто, М. Кляйн. Под аутистическим субъектом рассматривается субъект, отказавшийся от вхождения в порядок Другого и характеризующийся нарушением функции символизации.

Ключевые слова: психоанализ, аутизм, аутистический субъект, символизация

Gurina E.S.
AUTISTIC SUBJECT THROUGH THE PRISM OF PSYCHOANALYTIC VIEWS

Federal state-funded educational institution of higher education

«Novosibirsk State Pedagogical University», Novosibirsk, Russian Federation

The article presents psychoanalytic views on the phenomenon of the autistic subject in the framework of the discourse of J. Lacan, F. Dolto, and M. Klein. An autistic subject is a subject that refuses to enter into the order of Another and is characterized by a violation of the symbolization function.

Keywords: psychoanalysis, autism, autistic subject, symbolization

Литература

1. Бритвин Г.В. Концепции символа Ж. Лакана: основные идеи и эвристическое значение. Преподаватель XXI века. 2010; 2: 226-229.
2. Варданян А. Этюды по детскому психоанализ. М.: Когито-Центр; 2002. 154.
3. Гурина Е.С., Кошенова М.И. Работа психолога с детской травмой: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ; 2020. 311.
4. Дольто Ф. Бессознательный образ тела. Ижевск: ERGO; 2006. 376.
5. Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: РамаПублишинг; 2013. 717.
6. Кляйн М. Детский психоанализ. М.: Институт общегуманитарных исследований; 2010. 160.
7. Мамайчук И. И. Помощь психолога детям с аутизмом. СПб.: Речь; 2007. 288.
8. Швецова Е.А. Феномен аутизма. Симптоматика отсутствия другого в свете феноменологической философии. Вестник угроvedения. 2011; 3 (6): 135-144.

References

1. Britvin G.V. Kontseptsii simvola Zh. Lakana: osnovnye idei i evristicheskoe znachenie [Lacan's concept of the symbol: basic ideas and heuristic meaning]. Prepodavatel' KhKhI veka. 2010; 2: 226-229 (in Russian).
2. Vardanyan A. Etyudy po detskomu psikhoanaliz [Studies on child psychoanalysis]. Moscow: Kogito-Tsentr; 2002. 154 (in Russian).
3. Gurina E.S., Koshenova M.I. Rabota psikhologa s detskoj travmoy: uchebnoe posobie [The work of a psychologist with childhood trauma: a tutorial]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU; 2020. 311 (in Russian).
4. Dol'to F. Bessoznatel'nyi obraz tela [Unconscious body image]. Izhevsk: ERGO; 2006. 376 (in Russian).
5. Dol'to F. Na storone rebenka [On the side of the child]. Ekaterinburg: RamaPublishing; 2013. 717 (in Russian).
6. Klyain M. Detskii psikhoanaliz [Child psychoanalysis]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy; 2010. 160 (in Russian).
7. Mamaichuk I. I. Pomoshch' psikhologa detyam s autizmom [Help of a psychologist for children with autism]. Saint Petersburg: Rech'; 2007. 288 (in Russian).
8. Shvetsova E.A. Fenomen autizma. Simptomatika otsutstviya drugogo v svete fenomenologicheskoi filosofii [The phenomenon of autism. Symptoms of the absence of the other in the light of phenomenological philosophy]. Vestnik ugrovedeniya. 2011; 3 (6): 135-144 (in Russian).

Поступила в редакцию 29.12.2020